

невые заборы, колодцы с журавлем и колоды пчел в цветущих молодых садах – все напоминает здесь полтавскую черниговскую губернии. Некоторые из переселенцев 10–15 лет тому назад пришли сюда с парой волов, питаюсь по дороге христовым именем, а в настоящее время все живут хорошо; другие за это время достигли уже богатства и живут теперь в Верном, занимаясь торговлей»²⁰.

Таким образом, следует сказать, что большинство авторов отмечают плодородие среднеазиатских земель и выгоду торговли с ними. Большое количество пустующих плодородных земель, дающих очень большие урожаи, порождали у русских подданных идеи о заселении Туркестанского края русскими подданными. Авторы различаются в подходах к колонизации, но почти все они единодушны в своих выводах: Российская империя пришла в Азию всерьез и надолго, и при должном внимании к среднеазиатским владениям они смогут приносить доходы Русскому государству. Русские промышленные и торговые капиталы должны способствовать развитию местных народов.

Примечания

- 1 См.: Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 67.
- 2 См.: Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7. С. 415.

- 3 Зиновьев М. А. Осада Ура-Тюбе и Джизага. Воспоминания об осенней экспедиции 1866 г. в Туркестанской области // Русский вестник. 1868. Т. 74, № 3. С. 139.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 138.
- 6 См.: Костенко Л. Очерки Семиреченского края // Военный сборник. 1872. Т. 88, № 12. С. 410.
- 7 Костенко Л. От Хивы до Казалинска. Путевые очерки // Военный сборник. 1873. Т. 94, № 11. С. 152.
- 8 Там же.
- 9 Танап – среднеазиатская мера площади, равная 1/6 десятины.
- 10 Батман – среднеазиатская мера веса. Хивинский батман равен 48 фунтам или 17,3 кг.
- 11 Костенко Л. От Хивы до Казалинска. С. 152.
- 12 Там же.
- 13 Шлиттер М. В Туркестане // Военный сборник. 1902. № 2. С. 201.
- 14 Там же.
- 15 См.: Трионов К. К. В гостях у хана Наср-Эддина // Исторический вестник. 1910. Т. 121, № 7. С. 130.
- 16 Костенко Л. Очерки Семиреченского края. С. 410.
- 17 См.: М. Г. Черняев в Средней Азии // Исторический вестник. 1915. Т. 140, № 6, С. 862.
- 18 Там же.
- 19 Кн. Дм. Д-ой. Пять недель в Кокане // Русский вестник. 1871. Т. 91, № 1. С. 294.
- 20 Калигин П. Ахал-текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т. 208, № 5. С. 80.

УДК 94:329.054.3

СОВЕТСКО-ЭСТОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГОДОВ

В. Г. Цыплин

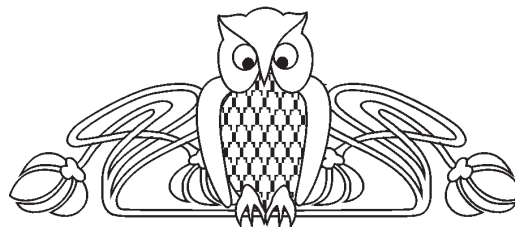
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье предпринята попытка разобраться, действительно ли Россия принесла беды народу Эстонии в середине 1920-х годов, существовала ли тогда вражда между народами, способствовали ли этому действия руководства государств и дипломатического корпуса. В статье отмечается, что в 1920-х годах организация единого межгосударственного политико-дипломатического сообщества вокруг Балтийского моря оставалась лишь на бумаге.
Ключевые слова: дипломатия СССР и Эстонии, коммунистическое восстание 1 декабря 1924 года, советско-эстонские торгово-экономические отношения, урегулирование спорных вопросов.

The Soviet-Estonian Relations in the Mid-1920s

V. G. Tsyplin

The article attempts to understand whether Russia has brought trouble to the people of Estonia in the mid-1920s, whether there was enmity between the nations at that time and whether it contributed to

the actions of the leaders and the diplomatic corps. The article notes that in the 1920s the organization of a single inter-state political and diplomatic community around the Baltic Sea has remained only on paper.

Key words: diplomacy of the Soviet Union and Estonia, communist uprising of December 1, 1924, Soviet-Estonian trade and economic relations, settlement of disputes.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-147-152

В середине 1920-х годов правительство СССР рассматривало Эстонию как образование, возникшее в результате интервенции западных стран, которые видят в ней: плацдарм для будущей войны, транзитный коридор, сырьевую базу. Все относились к Эстонии как к независимому государству лишь формально. Поэтому СССР преследовал главную цель – не допустить союза лимитрофов на

своей западной границе, отсюда и стремление добиться нейтралитета от Эстонии во внешней политике. Эстония первоначально предпринимала шаги по нормализации отношений с Советской Россией. Но одновременно предпринимались попытки заручиться поддержкой со стороны западных держав, например, Англии, однако и с ней не было оформлено никаких серьезных соглашений. Так, в 1924 году в Финляндии в Гельсингфорсе была проведена конференция Прибалтийских стран, основной целью которой было создание единого антисоветского фронта¹. А правительство Эстонии не всегда понимало, что лучше дружить с Россией, чем быть против нее «санитарным кордоном».

В начале 1925 года Эстония по-прежнему была настроена враждебно в отношении СССР, хотя ей, как и Латвии и Литве, в очередной раз было предложено заключить договор с СССР о ненападении. Эти инициативы вновь не были поддержаны в трех республиках, что создавало серьезные препятствия для хозяйственных отношений между государствами, так как множество советских организаций были вынуждены прекратить свою хозяйственную деятельность. Такое положение дел сохранялось вплоть до отставки министра иностранных дел Эстонии К. Р. Пусты (13.05.1924–23.10.1925), деятельность которого неоднозначно оценивали политические лидеры Эстонии. Так, председатель иностранной комиссии эстонского сейма Лайонер крайне отрицательно отнесся к линии, проводимой Пустой. Лайонер высказывался против политического балтийского соглашения, которое всячески старался протолкнуть Пуста². Эк-министр иностранных дел Латвии З. А. Мейеровиц однажды высказался, что политика Пусты не соответствует интересам Эстонии, что это политика другого государства³. Все изменилось после ухода Пусты с должности руководителя МИДа. Сразу ряд эстонских промышленных предприятий получили от СССР новые крупные заказы, также начал планироваться приезд из Эстонии хозяйственной делегации. Этому способствовала расстановка сил на международной арене в регионе. Дело в том, что первоначально предусматривавшееся военно-политическое объединение стран Балтии так и не было достигнуто, хотя до 1925 года и состоялось много международных конференций, на которых обсуждался весь спектр вопросов. К середине 1920-х годов европейские державы в большинстве своем к идеям подобного объединения охладели, а СССР всеми возможными способами противодействовал его созданию. Малые страны Балтии были обеспокоены в связи с попытками Польши занять господствующее положение в моделируемом союзе. Но необходимо отметить, что отсутствие официальных соглашений между участниками не сказалось на их дружественных отношениях. Сотрудничество продолжалось во многих сферах, а также в выработке внешнеполитического курса по отношению к третьим странам. По подсчетам эстонских историков, в начале 1920 года на тер-

ритории Эстонии насчитывалось около 60 тыс. беженцев, часть из которых к 1925 году вернулась в Россию и другие страны. От этого числа в Эстонии к середине 1920-х годов осталось около 16 тыс. беженцев⁴.

Тем из них, которые не могли получить национальных паспортов, в исключительном порядке выдавался «нансеновский паспорт»⁵. Основная часть обладателей этих паспортов не хотела получать гражданство Эстонии: одни ждали падения Советской власти в России и своего возвращения на Родину, другие старались переместиться в традиционные европейские центры русской эмиграции. Таким образом, среди этой категории беженцев было довольно много непримиримых сторонников восстановления неделимой России, которые отрицали любое право Эстонии на самостоятельное существование. Исходя из этого, правительство Эстонии, несмотря на либеральность в вопросах приобретения гражданства, не стремилось представлять его таким беженцам⁶.

В истории дипломатии известен скандал вокруг фигуры посла Эстонии в Москве в 1926–1927 гг., который получил название «биргиада». Адо Бирк, находившийся в конфликтных отношениях с министром иностранных дел Эстонии Антсом Пийпом, написал два письма в газету «Известия». В них он утверждал, что правительство Эстонии находится под сильным давлением генерального штаба и что позиция министра иностранных дел А. Пийпа в вопросе возможного договора о гарантиях с Советской Россией деструктивна для Эстонии. Также заявлялось, что правительство Эстонии выдвинуло против него ряд обвинений, из-за которых он вынужден продлить свое нахождение в СССР как частное лицо.

Британский историк Хемпен Джексон оценивал инцидент с Бирком как попытку советского руководства принизить или вообще исключить английское влияние на Балтийские государства⁷.

Отдельное место в советско-эстонских отношениях занимает вопрос участия Москвы в декабрьском восстании 1924 года, которое в Эстонии называли в разное время «попыткой переворота», «выступлением», «восстанием», «революцией». Накануне этих событий в Эстонии за власть боролись несколько оппозиционных к правительству партий: народная, трудовая, христианско-народная. Ими был создан демократический союз, который при поддержке социал-демократов сверг правительство большинства. Вновь сформированное правительство попыталось экстренно изменить экономическую и политическую ситуацию в стране, но этого у них не получилось, после чего активизировались коммунисты. Но в Эстонии были и другие структуры. В середине 1920-х годов эстонский «Кайтселийт» как вооруженный отряд в прежнем виде был ликвидирован. Его местные организации были превращены в так называемые «охотничьи группы». Во главе этих групп были поставлены военные коменданты, таким образом

«Кайтселийт» остался по своей сути националистическим военизированным формированием. Перед ним была поставлена вполне конкретная задача: обеспечение защиты эстонского общества от советского влияния, борьба с антиправительственными силами, подавление революционного движения и борьба с коммунистами. И неслучайно 17 декабря 1924 года И. Лайдонером был утвержден устав «Кайтселийта», согласно которому данная организация распространяла свою деятельность практически на всю республику. В уставе «Кайтселийта» были определены цели и задачи «союза», оговорена организационная структура. Кроме этого вся территория Эстонии была поделена на округа, отделения, районы и группы самозащиты, которые находились в строгом подчинении военному министру и начальнику самозащиты⁸. После «процесса 149», проходившего 10–27 ноября 1924 г., когда 142 человека были осуждены на длительные сроки заключения, а Я. Томп был расстрелян, руководители компартии приняли решение о начале восстания 1 декабря 1924 года.

События вызвали бурную реакцию со стороны иностранных держав. Это событие по-разному освещалось в эстонской и советской прессе. В Эстонии это расценивалось как угроза национальной безопасности и попытка государственного переворота. СССР трактовал случившееся как свободное волеизъявление трудового народа, как желание эстонцев установить советскую власть и присоединиться к единственному государству рабочих и крестьян, как гражданский порыв. Эстония представлялась как страна, «пляшущая» под дудку Запада и уничтожающая собственных граждан⁹. Побывавшая в Эстонии А. С. Лоурэнс, специальный представитель лейбористской партии Великобритании, командированная для расследования слухов о правительственном терроре в отношении рабочих и их организаций, заявила по возвращении на родину, что в Эстонии царят беспорядки и кровавый террор¹⁰.

Газета «Ваба Маа» за 24 февраля 1928 года № 46 цитирует воспоминания генерала И. Лайдонера о событиях декабрьского восстания: «У нас эта опасность до сих пор недостаточно ощущена. Положение зависело от нескольких моментов. Если повстанцы сумели бы захватить военное министерство, подавить морально и фактически центральный аппарат армии с овладением центральной станцией телеграфа армии, если бы восставшие сумели бы на пару часов захватить власть в свои руки, то, возможно, история нашего народа приняла бы совсем другой оборот».

Мнения исследователей о решении Москвы организовать революцию в Эстонии, о призыве местных коммунистов захватить власть в Эстонии и удержать её изложены в нескольких современных изданиях¹¹. В них указывается, что одновременно с агитационной работой ЦК КПЭ с весны 1924 года приступил к организационной и военно-технической подготовке выступления. Она проводилась в

условиях строжайшей конспирации, с одновременным формированием вооруженных боевых групп в виде троек. Вся эта информация представляется без ссылок на источник, что заставляет сомневаться в её правдивости. В Эстонии было разоблачено еще две попытки подготовки «правого» переворота в период весны и лета 1924 года, о чем многие вообще предпочитают умалчивать. Коммунисты тогда предполагали создать после победы «народное правительство с участием трудовиков и социал-демократов», поскольку таковое не вызовет бурной реакции за рубежом и не спровоцирует интервенцию. Эстонская армия тогда насчитывала 15 тыс. солдат и офицеров. Какой же тогда смысл засылать из СССР всего 400 боевиков, когда в СССР находились десятки тысяч эстонцев, которые имели серьезный опыт ведения военных действий¹²?

После поражения восстания по понятным причинам интенсивно искали московский след, но не очень-то нашли, из 133 казненных – четверо русских, остальные эстонцы, и почти все родились и жили в Эстонии, лишь двое в Латвии и двое из СССР. Вряд ли можно всерьез говорить о «руке Советов» в восстании в свете того, что незадолго до его начала открылась советско-эстонская торговая палата. На этом мероприятии присутствовали министры финансов, иностранных дел и сельского хозяйства. После поражения восстания оппоненты коммунистов достигли политического единства: 16 декабря было образовано «правительство от стены до стены», куда вошли все политические фракции, включая рассматривавшихся коммунистами как союзники, социал-демократов¹³. По мнению эстонского историка М. Ильмярва, который занимался исследованием международных отношений стран Балтии в межвоенный период и анализировал документы АВП России, эстонские коммунисты своими половинчатыми действиями 1 декабря 1924 г. совершили политическое самоубийство, после чего они не могли никому ничем помочь, но и им никто не мог помочь¹⁴.

Министр иностранных дел Эстонии К. Пуста дал интервью шведской газете «Афтонбладет», в котором утверждал, что имеются компрометирующие Россию документы в связи с Таллинским восстанием и они будут представлены в Лигу Наций. Эти документы, по его словам, подтверждают, что мятеж являлся попыткой Советской России свергнуть в Эстонии существующий строй. В ответ на требование советского правительства предъявить документы, о которых говорил в интервью г-н Пуста, было получено официальное сообщение от МИДа Эстонии, что Пуста никакого интервью «Афтонбладет» не давал. Но газета предъявила доказательства интервью, которое было дано в Эстонии в здании МИДа. Кроме этого существует письмо эстонского посла в Швеции Вирго к Пуста. В нем он предлагал министру признать очевидный факт предоставления интервью шведам, но при этом отрицать, что он что-то говорил о советском правительстве¹⁵. Все проясняется в выступлении

руководителя лиги аграриев Эстонии К. Пятса, посвященном годовщине восстания. Опубликовано в газете «Пяэвалехт» от 2 декабря 1925 г. № 327 выступление, в котором он отметил, что повстанцы «были не чужие, а свои люди, может быть даже и родственники – разве можно представить более печальную картину нашей молодой свободы»¹⁶.

После подавления восстания эстонское правительство обратилось с просьбой к Англии прислать флот в Таллинн, но новое консервативное правительство Великобритании по сообщению «Таймс» от 10 декабря 1924 г. ответило, что посещение флотом Таллинна из-за недавнего коммунистического восстания было бы неправильно понято, поэтому Британское правительство не одобряет идею такого визита, который мог бы быть использован как вмешательство во внутренние дела одного из прибалтийских государств¹⁷. В то же время Англия принимала непосредственное участие в подготовке офицерского состава, вооружении и реорганизации эстонских подразделений, вела переговоры о пребывании в эстонских водах английских военных кораблей и сдаче ей в аренду эстонских островов Эзель и Даго. Относительно островов МИД СССР предупредил правительство Эстонии, что подобная продажа или аренда будет рассматриваться как потеря самостоятельности Эстонской Республикой. Официально же высказался заместитель премьер-министра Англии Э. Кроув, который сообщил послу Эстонии О. Калласу, что «... в создавшейся обстановке мы считаем нецелесообразным любое выступление против русских и не хотим их дразнить. Сообщаем свою точку зрения для того, чтобы в Эстонии не строили напрасно на этот счет иллюзий»¹⁸. Для европейских политиков того времени «... малые державы издревле являлись и являются лишь разменной монетой при урегулировании дипломатических счетов»¹⁹.

Были и положительные моменты сотрудничества между СССР и Эстонией в 1925 году, когда были заключены конвенции о почтовых сообщениях, телеграфных и телефонных сношениях, подписано соглашение об обмене ценными почтовыми переводами, а также произошел обмен декларациями о взаимном признании мерительных свидетельств. По всем этим вопросам 19 ноября 1925 года в Москве состоялся обмен ратификационными грамотами²⁰.

В то же время на состоявшейся 31 марта – 1 апреля 1925 года конференции Генеральных штабов Эстонии, Латвии и Польши было принято решение о координации действий разведок против СССР, тогда же были распределены и зоны разведки в СССР, а также достигнуты договоренности об обмене развединформацией²¹. В Москве это событие посчитали настолько важным, что оно стало предметом обсуждения на Политбюро, которое увидело в нем очередную попытку Англии сформировать антисоветский блок²². Для выяснения антисоветских планов предполагалось активизировать свою разведдеятельность, рас-

смотреть возможность экономического давления, в случае необходимости экономического торпедирования балтийского блока²³. В качестве варианта рассматривался подкуп ведущих политиков, чтобы в перспективе оказать им помощь в приходе к власти, а 26 апреля решением Политбюро была создана специальная комиссия в составе В. Молотова, А. Микояна, С. Орджоникидзе²⁴.

Охрана советско-эстонской границы в рассматриваемый период была поручена регулярным частям Красной армии в составе 56-й Московской стрелковой дивизии. Им удалось разгромить наиболее крупные вооруженные формирования, которые совершали набеги на советскую территорию со стороны Эстонии, после этого удалось нормализовать обстановку в пограничных районах. Это стало возможным благодаря изменению плана охраны государственной границы, организации четкого взаимодействия частей, занимающихся охраной границы с подразделениями, дислоцированными в близлежащих тыловых районах.

В дальнейшем такая схема продолжала использоваться. Это позволило обеспечить безопасность советских территорий от неожиданных вторжений из-за границы. В середине 1920-х годов в результате совершенствования методов борьбы с бандами в приграничных районах и укрепления международного и внутривнутриполитического положения Советского государства была осуществлена полная ликвидация «политического» бандитизма в пограничных с Эстонией районах²⁵.

В середине 1920-х годов, опасаясь распространения у себя советской агентуры, спецслужбы Эстонии пытались организовать противодействие путем дестабилизации внутренней обстановки в Советской России. Они под видом беженцев давали возможность разместиться различным антисоветским формированиям, оказывали им содействие в многочисленных вооруженных акциях против СССР. В результате такой политики иностранные спецслужбы получили возможность с территории Эстонии вести подрывную деятельность против Советской России. Активно засылали на советскую сторону своих агентов и эстонские разведорганы. Кроме того, в Эстонии государственной поддержкой пользовались многие организации, фирмы и отдельные лица, занимавшиеся контрабандной торговлей, в том числе при активном участии завербованных советских граждан²⁶.

В Эстонии были политики, которые считали, что страна должна ориентироваться на Скандинавию, поскольку это менее рискованно, чем сближение с Польшей. Тогда возможен расчет во внешней политике и экономике на поддержку Великобритании. Все это было в секторе взглядов руководителя финской делегации в Лиге Наций профессора Рафаэля Эриха, датируемых ноябрём 1925 года, когда он представил так называемую программу «Северное Локарно». СССР не был тогда членом Лиги Наций, и крупные державы планировали разъяснить советским представителям

необходимость подписать договор о нерушимости границ государств Восточной и Северной Европы, что только так можно сохранить мир²⁷.

Говоря о финансовой политике Эстонии, необходимо отметить, что среди активных бизнесменов, руководителей и владельцев предприятий преобладали люди, имеющие связь с Россией: кто-то опирался, кто-то учился в крупных городах России, кто-то работал в России до или после революции. Поэтому большая часть предприятий, получившая кредиты в банке Эстонии, была связана с восточным бизнесом и имела ориентацию на российский рынок²⁸. Их бизнес-план – надежда на восточный рынок провалился. Пришлось доводить эстонскую марку до гиперинфляции, чтобы освободиться от долгов. Кроме того, экономическую политику Эстонии осуществляли люди, которые не верили в будущее независимой Эстонии. Именно поэтому они стремились направить имущество в карманы частных лиц. С другой стороны, отданные в кредит активы были получены по итогам Тартуского мирного договора и заработаны на перепродаже русского золота. А в случае падения большевистского режима, что не исключалось в руководстве Эстонии, все надо было вернуть государству Российскому. Чтобы этого в мыслях не было, все распределили среди друзей, создали эстонскую элиту, народу решили не давать²⁹.

Отдельной строкой в советско-эстонских отношениях отмечено создание эстонско-советской торговой палаты. Её создание не было эстонской гражданской инициативой, хотя именно так эстонская сторона преподносила в прессе. Основные положения устава были написаны в Москве, так говорится в письме торгпреда Шевцова наркому внешней торговли 18 сентября 1924 года об одобрении поправок в уставе, также отмечалось, что один из инициаторов создания палаты Реннинг работает в интересах СССР³⁰. Торговая палата была полным противопоставлением тому, на что была ориентирована осенью 1924 года внешняя политика Эстонии. Москве это давало реальную возможность влиять на политику Эстонии.

Лавирование Эстонии в середине 1920-х годов между державами стало, пожалуй, вынужденной мерой нее. Она, как и другие балтийские страны, старалась добиться от крупных государств хоть каких-то гарантий своей независимости. Постоянные метания Эстонии между Москвой, Лондоном, Берлином и Парижем вытекали из стремления любой ценой отстоять буржуазный строй и формальную независимость, но ни одна из держав не выступила серьезным гарантом и не заключила договора о военном союзе. Сейчас же надо клеймить позором правительства балтийских стран, низкопоклонствующих перед Западом и всячески провоцирующих конфликты с Россией. Им надо периодически напоминать, что волны Балтийского моря отделяют Эстонию от Западной Европы, а не от территории России.

Примечания

- 1 См.: *Патенко А. Н.* Борьба с прибалтийскими националистическими формированиями на Северо-Западе России в 1920–1940-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 14.
- 2 См.: *Документы внешней политики СССР*: в 24 т. М., 1963. Т. 8. С. 695.
- 3 См.: Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Латвии Народному Комиссару Иностранных Дел СССР Г. В. Чичерину. 22.08.1925. URL: telegramma-polnomochnogo-predstavatelya-sssr-v-polshe-narodnomu-komissaru-inostrannih-del-sssr-g-v-chicherinu.html (дата обращения: 24.10.2015).
- 4 См.: *Сергеев В. П.* Общественные организации русского национального меньшинства в эстонской республике в 1920–1940 гг. // *Новый исторический вестник*. 2005. Вып. 12. С. 39.
- 5 См.: *Галас М. Л.* Адаптация российских эмигрантов, беженцев в государства Запады, ремигрантов в РСФСР (СССР) 1920–1940-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 17.
- 6 См.: *Сергеев В. П.* Численность и экономическое положение русских в эстонской республике в 1920 – начале 30-х гг. // *Новый исторический вестник*. 2001. Вып. 3. С. 62.
- 7 См.: Hampden Jackson // *J. Estonia*. Westport, Connecticut. 1979. S. 29.
- 8 См.: *Патенко А. Н.* Указ. соч. С. 21.
- 9 См.: *Наэль А.* «Своё» и «чужое» : Образ врага в эстонской и советской карикатуре межвоенного периода. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq> (дата обращения: 23.10.2015).
- 10 См.: Два десятилетия эстонского редута «санитарного кордона» (1920–1940 гг.) Часть I. URL: <http://infosila.ee/main/123-dva-desyatiletija-estonskogo-reduta-sanitarnogo-kordona-1920-1940-gg.html> (дата обращения: 25.10.2015).
- 11 См.: *Колтакиди А.* Спецназ ГРУ. М. : Эксмо. Яуза, 2012. С. 76–81.
- 12 См.: Два десятилетия эстонского редута «санитарного кордона» (1920–1940 гг.) Часть I. URL: <http://infosila.ee/main/123-dva-desyatiletija-estonskogo-reduta-sanitarnogo-kordona-1920-1940-gg.html> (дата обращения: 25.10.2015).
- 13 См.: Восстание эстонских коммунистов в 1924 году. Конфликтолог. 2006. URL: <http://conflictologist.org/main/vosstanie-estonskih-kommunistov-v-1924-godu.htm> (дата обращения: 25.10.2015).
- 14 См.: *Ильмарв М.* Безмолвная капитуляция. М., 2012. С. 29.
- 15 См.: *Сунила А.* Восстание 1 декабря 1924 года. Таллинн, 1982. С. 31.
- 16 Два десятилетия эстонского редута «санитарного кордона» (1920–1940 гг.) Часть I. URL: <http://infosila.ee/main/123-dva-desyatiletija-estonskogo-reduta-sanitarnogo-kordona-1920-1940-gg.html> (дата обращения: 25.10.2015).
- 17 См.: *Документы внешней политики СССР* : в 24 т. М., 1963. Т. 8. С. 768.

- ¹⁸ Сушила А. Указ. соч. С. 116.
- ¹⁹ Гуч Г. П. История современной Европы : сокр. пер. с англ. М. ; Л., 1925. Предисл. Ф. Ротштейна. С. 3.
- ²⁰ См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1963. Т. 9 С. 632.
- ²¹ См.: Емельянов Ю. В. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М. : Издатель Быстров, 2007. С. 155.
- ²² См.: Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. М., 2012. С. 28.
- ²³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 108–109.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 501. Л. 14.
- ²⁵ См.: Минченков С. А. Становление системы пограничной охраны России на границе с Эстонией и Латвией в 1920-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 2003. С. 173–174.
- ²⁶ Там же. С. 169.
- ²⁷ См.: Ильмярв М. Эстония и Швеция в межвоенный период (1919–1940 гг.). С. 156–157. URL: <https://sites.google.com/site/estoniahistory/EW> (дата обращения: 25.10.2015).
- ²⁸ См.: Валге Я. У денежных кранов Эстонии. С. 135. URL: <https://sites.google.com/site/estoniahistory/EW> (дата обращения: 25.10.2015).
- ²⁹ Там же. С. 136.
- ³⁰ См.: Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. М., 2012. С. 31.

УДК [94+316.334.3](47)|1953/1985|

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950 – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГОДОВ

А. А. Гуменюк

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

В статье проанализированы основные этапы формирования социальной политики Советского государства в 1953–1985 гг. Главное внимание уделено анализу процесса разработки и принятия советским руководством решений в социальной сфере. Выдвинуто положение о том, что к середине 1970-х гг. была сформулирована главная цель социальной политики – распределение ресурсов в пользу малообеспеченных социальных слоев и защита социальных гарантий всем категориям населения.

Ключевые слова: доходы, жилищная политика, здравоохранение, налоговая политика, продовольственная программа, реформа, самообслуживание, социальное обеспечение, экономика.

The Evolution of Social Policy in the USSR, from the Mid-1950s to the Mid-1980s

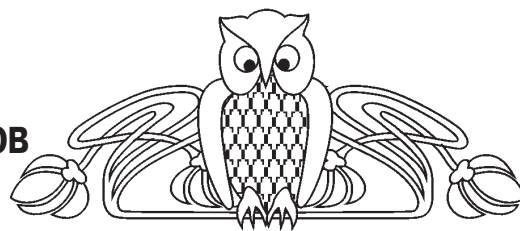
А. А. Gumenyuk

The article analyzes the principal phases in the elaboration of social policy in the Soviet Union in 1953–1985. The main focus is on the process of decision making in the social sphere by the Soviet government. We put forward the statement that the main goal of the social policy, formulated in the mid-1970s, was to reallocate the resources in favor of the low-income social groups and to protect the social security for all.

Key words: incomes, housing policy, public health service, tax policy, food program, reform, self-service, social welfare, economy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-152-160

После распада Советского Союза российское руководство главной целью своей деятельности декларировало создание эффективной рыночной

экономики. Среди обязательных функций государства задача социальной защиты и поддержки населения отступала на второй план, на первый выдвигались программы приватизации собственности, либерализации цен, конверсии. Советский опыт решения социальных проблем идеологи рыночных реформ без какого-либо критического анализа объявили «историческим мифом». Высокие цены на нефть позволяли поддерживать довольно высокий уровень жизни россиян даже после уничтожения производящих отраслей промышленности. Масштабный экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и усугубленный санкционной политикой Запада в 2013 г., разрушил иллюзии социальной защищенности населения и «социальную безмятежность» государства. Именно это обстоятельство делает исключительно значимым и актуальным исследование проблемы эволюции социальной политики СССР в условиях «полной автономности» советской экономики. Научный анализ данной проблемы (издание сборников документов¹, мемуарной литературы², монографий и разделов в обобщающих трудах³), начавшийся в начале XXI века, свидетельствует об осознании экспертным сообществом актуальности и злободневности данной темы, практической полезности для сегодняшних управленческих решений.

Большевики, придя к власти, многократно декларируют о своем стремлении радикально улучшить уровень жизни населения России. Однако решение неотложных задач по удержанию власти в годы Гражданской войны, сохранению контроля над командными высотами экономики в годы нэпа, а также осуществлению ускоренной модернизации поглощали имеющиеся в стране материальные